

Новые термины заставили Ван Чжуна нахмуриться.

Если молитвенница — это оператор, который направляет ракету по радио, то что, чёрт возьми, такое этот псалмопевец?

Но, судя по реакции окружающих, это тоже было общеизвестно, поэтому Ван Чжун не осмеливался спрашивать.

Только что упомянули трибунал. Кто знает, входит ли в обязанности этого трибунала казнь людей, одержимых странными потусторонними душами.

Он должен вести себя как человек этого мира и не выдать себя.

Однако Ван Чжун вспомнил, что может спросить о другом, и спросил:

— Среди этих монахов есть монах Есеменко и его отряд «Священных стрел»?

Сергей засомневался:

— Э-э, я не спрашивал. Может быть, вы спросите пастора напрямую?

Не успел он закончить фразу, как в комнату вошёл высокий мужчина с каштановыми волосами, а за ним — группа военных.

На них тоже была военная форма цвета хаки, но другого фасона. Если бы Ван Чжуну пришлось описать это, то он бы сказал, что на его войсках была полевая форма, а эти были одеты в парадную, более подходящую для торжественных случаев.

На плечах у вошедших красовались украшения с изображением солнца, что напомнило Ван Чжуну о солнечной эмблеме на крыше кафедрального собора, где располагался штаб герцога.

Похоже, это и были монахи государственной церкви.

Первым делом вошедший шатен спросил:

— Кто здесь командующий?

Он оглядел Ван Чжуна и Егорова.

Ван Чжун вспомнил, что они оба подполковники, и сейчас он может командовать Егоровым

только благодаря «наказу» герцога.

На самом деле никакого наказа не было, герцог только и успел, что крикнуть ему, чтобы он бежал.

Недолго думая, Ван Чжун сделал шаг вперёд и сказал:

— Я. Герцог Владимир поручил мне командовать его войсками.

Шатен нахмурился:

— Почему вы всего лишь подполковник?

Тут вмешался один из стоявших у него за спиной:

— А передал ли герцог письменный приказ о передаче командования?

Ван Чжун посмотрел на говорившего и увидел, что на нём фуражка с синим кантом.

— Господин судья, сейчас чрезвычайное положение. Чтобы обеспечить бесперебойную работу командного пункта, можно обойтись без лишних формальностей, — шатен обернулся и сердито посмотрел на человека, прервавшего его.

Господин судья... Похоже, эти двое и есть люди из трибунала. Трибунал, синий кант на фуражке... — Ван Чжун прищёлкнул языком, пытаясь подавить ненужные ассоциации, и мысленно сделал себе заметку: «Впредь быть осторожнее со словами в присутствии людей с синим кантом на фуражках».

Получивший выговор «синий кант» слегка поклонился:

— Прошу прощения, ваше преосвященство.

Затем он сделал шаг назад и окинул Ван Чжуна взглядом, каким оценивают свиней на бойне.

Ван Чжун заставил себя не обращать внимания на этот взгляд и сказал «вашему преосвященству»:

— Я — граф Алексей Константинович Рокосов, и сейчас я командую этими войсками.

Епископ отдал Ван Чжуну честь:

— Приветствую вас, храбрый граф. Я — Степан Александрович Полоцкий. Я привёл последний отряд монахов. У нас ещё есть «Священные стрелы». Думаю, мы сможем подбить немало вражеских танков!

— Это отряд монаха Есеменко?

Епископ Степан был несколько удивлён:

— Вы знаете монаха Есеменко?

— Я знаю их молитвенницу Людмилу. Она была моим солдатом... моей молитвенницей, но наш отряд «Священных стрел» был уничтожен, осталась только она, да и то без «стрел».

— Вот как. Я скажу монаху Есеменко, чтобы он позаботился о госпоже Людмиле.

Хм? Может, его преосвященство что-то не так понял?

Ван Чжун не стал поправлять. В конце концов, одной из причин, по которой он начал действовать, было желание сохранить Людмиле жизнь, так что особая забота ей не повредит.

— Итак, мы...

Ван Чжун хотел было продолжить, но епископ перебил его.

— Мы должны контратаковать врага, не так ли? — в голосе епископа слышалось ожидание.

Ван Чжун немного помедлил:

— Э-э, это...

Епископ Степан сжал кулаки:

— Пусть просенцы узнают нашу силу духа! Покажем им, что нашу родину, Антийскую империю, не так-то просто победить!

Ван Чжун разинул рот. Почему эти люди так рвутся на смерть?

— Нет, успокойтесь, — он снова взял себя в руки. — Мы наступаем, потому что оборона противника слаба. Они просто не ожидали атаки. Сейчас мы находимся в расположении вражеского штаба. Наверняка, в их рядах царит хаос, и мы сможем легко вырваться из

окружения.

Пока Ван Чжун говорил, епископ Степан смотрел на него многозначительным взглядом, как на надоедливую муху.

Когда Ван Чжун закончил, епископ Степан повысил голос:

— Вырваться из окружения? А это не контратака?

— Это контратака! Конечно, контратака! Вы только посмотрите вокруг! — Ван Чжун развёл руками. — Мы разгромили вражеский штаб, и это не контратака? Контратака и прорыв не исключают друг друга. Мы должны отступить на следующий рубеж обороны и присоединиться к оборонительным действиям.

Епископ Степан повернулся и переглянулся с двумя судьями.

Ван Чжун никак не мог отделаться от мысли, что с этой троицей что-то не так.

Когда епископ снова посмотрел на Ван Чжуна, он отрезал:

— Это бегство!

— Это тактическое отступление, чтобы сохранить живую силу и эффективнее уничтожать врага, — возразил Ван Чжун.

— Звучит как оправдание! — отрезал епископ Степан.

— Нет-нет, послушайте! Потеряв землю, мы потеряем все. Сохранив людей, мы можем вернуть землю и победить!

Это были слова инструктора, и Ван Чжун просто воспользовался ими.

Епископ Степан уставился на Ван Чжуна:

— Это самая настоящая измена! Его величество только что отдал приказ: ни пяди родной земли! Все должны сражаться до последнего!

У Ван Чжуна зачесались зубы. Сражаться до последнего? Ни пяди родной земли? Да он название этой страны только что на карте у врагов прочитал! Для него это просто название на карте!

Он китаец!

И ещё приказ императора... Да он из страны, где испокон веков учили, что «и князь, и сановник — всё из простолюдинов»! Никакой император не может приказать ему идти на смерть!

— Невыполнимо. Начать сейчас самоубийственную атаку — значит впустую потратить живую силу! Мы будем контратаковать, но, возможно, через год, два или даже три! А сейчас нам нужно отступить, выигрывать время и создавать новую линию обороны!

Епископ Степан уставился на Ван Чжуна. Казалось, того восхищения, что он испытывал минуту назад, и вовсе не было.

Через мгновение он с мрачным лицом отдал приказ:

— Судья Шапошников, арестуйте графа... то есть, мы вот-вот начнём атаку, и вряд ли кто-то сможет конвоировать графа. Придётся прибегнуть к законам военного времени. За дезертирство... расстрелять! Сейчас же! Немедленно!

У Ван Чжуна голова пошла кругом. Неужели этот придурок не понимает, к чему приведёт расстрел командира на поле боя?

Хотя... он сам расстрелял дезертира... Но он-то не дезертир!

Судья по имени Шапошников с улыбкой расстегнул кобуру.

Ван Чжун напрягся до предела. У него в голове пронеслось множество мыслей:

«Отдать ли приказ Егорову? Выполнит ли он его, если я прикажу ему перестрелять этих...?»

«А что будет, если я прикажу ему открыть огонь на этих „монахов“?»

«К чему это приведёт?»

«Неужели его снова расстреляют?»

Внезапно он кое-что вспомнил.

Герцог Владимир собирался отправить Ван Чжуна — то есть графа Алексея Константиновича Рокосова — в тыл до того, как на них упал снаряд, потому что...

Потому что наследный принц позвонил в штаб герцога.

«Так значит, у меня есть связи?»

В этот момент Шапошников вытащил пистолет.

Егоров тут же встал перед Ван Чжуном, и его рука уже потянулась к трофейному автомату...

Ван Чжун остановил его и громко сказал:

— Епископ Степан, похоже, вы не знаете, кто я. Я — близкий друг наследного принца. Если весть о моей смерти дойдёт до его ушей...

Сказав это, Ван Чжун подумал: «Чёрт, что я несу? Зачем угрожать человеку, который вот-вот отправится на смерть? Какой смысл? Он всё равно умрёт, какая ему разница, что подумает наследный принц?»

Но епископ Степан явно засомневался.

«Выходит, этот ублюдок не собирается умирать по-настоящему...» — подумал было Ван Чжун, но тут заметил, что Степан посмотрел на Егорова и автомат в его руках.

«Неужели Степан просто боится Егорова и его автомата?»

В этот момент епископ Степан уступил:

— Хорошо. Но я всё это запишу. Запишу, кто решил сдать нашу священную землю и послушался приказа его величества!

В этот миг Ван Чжун всерьёз задумался, не пристрелить ли этих ублюдков во время боя, пока есть возможность. Чтобы потом не путались под ногами.

В конце концов, он не знал, насколько крепка его дружба с наследным принцем. Быстрые и решительные действия могли избавить его от лишних проблем.

К тому же, Ван Чжун чувствовал какую-то фальшь в поведении этих трёх, особенно епископа. И его первоначальные похвалы, и последующая перемена — всё это было похоже на театральную постановку...

В этот момент у входа раздался приятный женский голос:

— Разрешите!

Ван Чжун решил, что это Людмила, и тут же обернулся, но увидел незнакомую девушку с чёрными волосами, заплетёнными в косу, которая спускалась на спину.

— Я только что получила сообщение от Агсуковского хора. Все боеспособные части должны немедленно выдвигаться в Шепетовку! Князь Мещерский организует там оборону!

Ван Чжун понятия не имел, где находится это Агсуково, как и Шепетовка, но перебил её:

— Мы можем выступить!

— Это подразделение разгромило просенские войска и захватило их штаб! У них есть боевой опыт и опыт побед. Они будут очень полезны в обороне.

Епископ был слегка разочарован:

— Что ж, раз так, то ничего не поделаешь. Организуйте отступление, граф.

<http://tl.rulate.ru/book/114264/4400739>